

Между русским и
белорусским: говоры
Невельского района
Псковской области

Between Russian
and Belarusian:
Dialects of Nevel
District, Pskov Oblast

Анастасия Игоревна Рыко

Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия

Anastasia I. Ryko

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье описывается современное состояние говоров Невельского района Псковской области (территории, граничащей с Белоруссией) в сопоставлении с северо-восточными белорусскими говорами, расположенными по другую сторону государственной границы. При проведении лингвистической границы предполагалось, что по одну сторону говоры будут изменяться под давлением русского литературного языка, по другую — под давлением белорусского. Однако реальная ситуация гораздо сложнее: некоторые диалектные черты действительно нивелируются в зависимости от соответствующего литературного языка, но довольно часто сохраняются как диалектные черты, не совпадающие ни с одним из литературных языков, так и «белорусские» черты на территории русских говоров.

Ключевые слова

южнопсковские говоры, севернобелорусские говоры, пограничные диалекты, сохранение диалектных черт

Цитирование: Рыко А. И. Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 303–320.

Citation: Ryko A. I. (2018) Between Russian and Belarusian: Dialects of Nevel District, Pskov Oblast. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 303–320.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.11

Abstract

The article describes the contemporary state of the dialects spoken in the Nevelsky district (Russia, Pskov Province), which is bordering Belarus, in comparison with the north-eastern Belarusian dialects located on the other side of the state border. When establishing the linguistic areas, it was assumed that on one side of this border the dialects would change following the Standard Russian language, while on the other side they would follow Belarusian. However, the real situation is much more complicated: on one hand, some dialectal features disappeared under the influence of the respective standard language; on the other hand, quite often features of both dialects do not correspond to either Standard Russian or Standard Belarusian, and there are existing “Belarusian” features on the territory of Russian dialects.

Keywords

Pskov dialects, Belarusian dialects, border dialects, preservation of the dialect features

Западные южнорусские говоры южной части Невельского района Псковской области и северо-восточные белорусские говоры Городокского и Россонского районов Витебской области Белоруссии, согласно классификации 1915 г., составляют единый северо-восточный говор белорусского языка. После перемещения административной границы в 1924 г. Невельский уезд, относившийся прежде к Витебской губернии, отошел к Псковской губернии (в 1927 г. на большей части этого уезда был сформирован Невельский район Великолукского округа Ленинградской области, с 1929 г. Невельский район был в составе Западной области, с 1935 г. — Калининской области, с 1944 г. — Великолукской области и с 1957 г. — Псковской области). Соответственно, при составлении новой карты диалектного членения русского языка в 1965 г. говоры на территории Невельского района были описаны как часть западной группы южнорусского наречия. Такое решение было обосновано перспективами существования одних и тех же диалектных черт в рамках разных литературных языков: «...одни и те же языковые черты, ареалы которых связывают смежные по территории говоры русского и белорусского языков, являются на разных частях занимаемой ими территории компонентами систем двух разных языков и реально существуют в каждом из языков в различных по своему характеру связях с определенными звеньями системы данного языка в отличие от другого. В современных русском и белорусском языках это проявляется, в частности, и в перспективах существования указанных черт в каждом из них». В качестве примеров различного пути развития диалектных черт приводится постепенное исчезновение произношения ударных сочетаний *-ый, -ий*

(*мыйу, пий* и др.) на территории русского языка (при сохранении его на белорусской) и замена диссимильтивного яканья сильным на белорусской территории и иканьем на русской — в соответствии с литературными системами [Захарова, Орлова 2004: 34].

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., преимущественно крестьянское население Невельского уезда (из 110 394 человек населения было 93 994 крестьян, т. е. крестьянство составляло около 85% населения) в основном идентифицировало себя как белорусов (90 322 из 97 040 указали белорусский как свой родной язык, т. е. около 93%) [Первая всеобщая перепись населения 1897: 64–73, 106]. Современные жители Невельского района считают себя русскими, правда, часто говорят, что их диалект похож на белорусский язык. Жители пограничных районов Белоруссии при этом не считают себя «настоящими» белорусами, но и с русским языком свой диалект не соотносят (см. об этом: [Рыко 2016]).

Говоры русско-белорусского пограничья юго-западной части Невельского района (современные Новохованский, Туричинский, Клястицкий, Стайкинский сельсоветы), согласно карте 1915 г. [см.: Дурново, Соколов, Ушаков 1915], относятся к северо-восточным говорам белорусского языка. На карте Е. Ф. Карского эта территория попадает в зону белорусских говоров с мягким *р'*, испытывающих южновеликорусское влияние [см.: Карский 1903, карта]. Согласно карте ДАРЯ, это территория западной группы говоров южнорусского наречия [см.: ДАРЯ 1, карта 6]. Автор подробного описания говоров Невельского района первой трети XX в., этнограф Н. Зорин отмечал, что «белоруссизмы в местном говоре составляют не основную языковую стихию, а являются наслоением» [Зорин 1927: 49]. Согласно недавним исследованиям, эти говоры вместе с говорами соседних районов на территории Белоруссии по ряду черт составляют единый так называемый «городокско-невельский диалект», который является псковским в своей основе, «на что указывает специфическая лексика, фонетические, морфологические и акцентуационные черты» [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 163; см. также: Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2017]. Есть работы, в которых современные говоры Невельского района рассматриваются как говоры белорусского языка [см.: Jankowiak 2015]. Независимо от того, как интерпретировать принадлежность говоров по обе стороны государственной границы, очевидно, что это единый идиом.

Попробуем сравнить отдельные говоры, находящиеся по разные стороны границы, и выяснить, в какой степени нивелируются диалектные черты под влиянием русского или белорусского литературных языков, а также есть ли у этих говоров какие-нибудь различия, сближающие

одни из них с русским литературным языком, другие — с белорусским. Наш материал был записан от представительниц старшего поколения, чьи языковые навыки складывались сразу после изменения административных границ, поэтому «русификация» диалекта у невелиских информантов должна была происходить в течение их жизни. Встретившиеся нам представители более молодых поколений по обе стороны границы говорят на региональном варианте русского литературного языка.

В качестве «белорусской» информантки выступила Раиса Петровна Глазко (род. в 1933 г. в д. Мочулища, живет в д. Краснополье Россонского района Витебской области; зап. автора 2016 г. (далее — Мочулища)), которая сама называет себя «мешанцем» и утверждает, что ни по-русски, ни по-белорусски она «чисто» говорить не умеет. В качестве основного «русского» материала привлекаются записи говора Надежды Владимировны Шебановой (род. в 1933 г. и живет в д. Емельяново Невельского района Псковской обл.; зап. автора 2016 г. (далее — Емельяново, Шебанова)), также используются записи, сделанные от других информантов¹ примерно того же возраста, родившихся и живущих на пограничных с Белоруссией территориях. От каждого информанта записано не менее 1 часа речи, общий объем записей — около 21 часа. Носители «русских» говоров считают себя говорящими по-русски, правда, практически все отмечают наличие белорусских черт в своем говоре и часто рассказывают, что за пределами их диалектной зоны их принимают за белорусов (подробнее см.: [Рыко 2016]).

1. Диссимильативное аканье и яканье.

Для говоров по обе стороны границы характерны диссимильативное аканье и диссимильативное яканье жиздринского (белорусского) типа. Витебского типа яканья, отмечаемого для этой территории [см.: Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 122; Лінгвістычная геаграфія 1969, карта 45], у наших информантов не встретилось. ДАРЯ показывает на всей территории русско-белорусского пограничья жиздринский

¹ Это Сюртукова Зинаида Егоровна, род. в 1936 г. в д. Емельяново, живет в д. Шекино Невельского района Псковской обл., зап. А. И. Рыко 2016 г. (Емельяново (Сюртукова)); Щербакова Валентина Никифоровна, род. в 1927 в д. Козлы Соминского с/с, живет в д. Туричино Невельского района Псковской обл., зап. К. В. Садовской, Д. В. Аверьяновой 2016 г. (Козлы); Вардяхова Валентина Игнатьевна, род. в 1927 в д. Дудчино, живет в д. Шекино Невельского района Псковской обл., зап. А. И. Рыко, К. В. Садовской, Д. В. Аверьяновой 2016 г. (Дудчино); Коваленко Валентина Яковлевна, род. в 1934 г. в д. Косцы Невельского района Псковской обл., живет там же, зап. А. И. Рыко 2016 г. (Косцы); Скоромнова Лидия Сергеевна, род. в 1925 г. в д. Глинчино Невельского района Псковской обл., живет там же, зап. А. И. Рыко 2016 г. (Глинчино). Все информанты имеют незаконченное среднее образование, работали в колхозе и в течение жизни не покидали пределов своего района.

(белорусский) тип яканья [см.: ДАРЯ 1, карта 8], согласно [Нарысы 1964: 57, карта 3] в белорусских говорах, распространенных на территориях, граничащих с Невельским районом, находится массив белорусского типа яканья между двумя массивами витебского. Черта является устойчивой как для «русских», так и для «белорусских» говоров (т. е. не выравнивается в сторону иканья на русской территории и сильного яканья на белорусской).

2. Рефлексы напряженных редуцированных в формах именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода *-ый* под ударением (*молод[ый]*), а также после заднеязычных согласных со смягчением основы (*пло[хй]*) [см. ДАРЯ 2, карта 42].

Рефлексация такого типа является общей изоглоссой для городокско-невельского диалекта и смоленских говоров [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 128] и упоминается Е. Ф. Карским в качестве характерной белорусской черты [Карский 1903: 14]. Согласно исследованиям С. Л. Николаева, кроме основных систем развития напряженных редуцированных и сочетаний *<uj>, *<ij> — «общерусской» (*молодой* : *крюю*) и западной (*молодой* : *крью*), характерной для большей части украинских и белорусских говоров, интересующая нас территория входит в зону «смоленской» системы (*молодой* : *крью*) [Николаев 1988: 118–120]. По данным М. Янковяка, в современных невеликих говорах диалектное окончание встречается редко, чаще представлен его литературный вариант [Jankowiak 2015: 224]. Однако во всех идиолектах («белорусских» и «русских»), записанных нами, представлена преимущественно «западная система» (*молодой* : *крью*), иногда фиксируется окончание *-эй* (наряду с *-ий*) после заднеязычных: *друуэй*; *такий* (3)²; *сухий*; *бальшый*; *пустый*; *лясной* (*Лясной* — название поселка); *пашыйт*; *нашыйт*; *шыит*; *вышыиш* (Мочулища); *друуый* (8), *друуэй*, *ўтарый*; *такий* (9); *сякий*; *бальшый* (7); *нибальшый* (2); *дурный*; *какий* (3); *какий-тэ* (4), *какэй-тэ*; *дэмавый* (10); *плахий* (3); *выхадный* (2); *зэлатый*; *бальный* (2); *пустый*; *дэтрауый* (3); *прастый*; *жывый*; *сэрэкавый*, *шыю*; *пашю*; *пиряшыю*; *мыйт*; *памю*; *аткрыиш*, но: *друуой* (2); *такой* (Емельянково (Шебанова)). Как видно, «литературных» исключений совсем немного. У некоторых «русских» информантов вариант окончания *-ой* встречается несколько чаще, ср.: *такий* (4), *такэй*; *какий* (2); *какий-та*; *крутый*; *шастый* (2); *звиньявый*; *бальшый*; *зашыйт*, но: *такой* (2); *святый*; *большой* (4); *нибольшой*; *друуой* (Дудчино). Единственная информантка, в речи которой

² Если словоформа употреблена неоднократно, в скобках указывается количество употреблений.

не встретилось диалектных вариантов, — уроженка старообрядческой деревни, ее говор отличается от остальных и некоторыми другими чертами [см.: Рыко 2017: 477–478].

3. Случаи лабиализации гласных /o/ и /a/ во втором предударном слоге: б[у]лтунóв, п[у]болéл, пр[у]валíлся и т. п.

Эта особенность характеризует как западную и верхне-днепровскую группы говоров южнорусского наречия [Захарова, Орлова 2004: 123], так и северо-восточные говоры белорусского языка [Нарысы 1964: 76–77]. В идиолекте Р. П. Глазко во втором предударном слоге лабиализация представлена нерегулярно: п̆м̆ин̆я̆лиси; п̆м̆г̆ўӑть; п̆с̆с̆б̆рӑли и ни п̆ўп̆д̆ӑй̆си; жулубóк; пум̆г̆ўӑл; пум̆я̆н̆ўть; пум̆ин̆ӑла; пуб̆я̆рў. Есть случаи лабиализации и в первом предударном — перед слогом с ударным [a], как правило, в соседстве с губными: спрўўл̆я̆ть; пур̆в̆ӑл̆с̆ь; пув̆ӑдил̆ся. Также есть случаи лабиализации [ы]: муӂўкӑ; м̆ӂўк̆и. В пограничных невелиских говорах эта черта представлена более регулярно: у некоторых информантов (Емельянково) лабиализация наблюдается во всех случаях, у других — в большинстве случаев с немногочисленными исключениями (Косцы, Глинчино).

4. Различение двух твердых аффрикат /ч/ и /ц/.

В говорах по обе стороны границы противопоставлены твердые аффрикаты. У некоторых информантов (в том числе на территории Белоруссии) фиксируются остатки цоканья: всегда в сочетании с последующим /к/, чаще всего в словоформе муч̆ы̆ц̆ка (Мочулища; Дудчино, Косцы), также вад̆ы̆ц̆ка (Дудчино), п̆о̆ц̆ки (Емельянково (Сюртукова)). Согласно ДАРЯ, цоканье в этой части Невельского района отмечено в п. 280 (Залог), 281 (Шульги), 282 (Дубище), 283 (Черные Стайки) [см.: ДАРЯ I, карта 47]; в белорусских говорах цоканье отмечено на небольшом островке, граничащем с русскими говорами, в Езерищенском и Городокском районах [Нарысы 1964: 149].

5. Отсутствие противопоставления /р/ и /р'/.

Обычно считается характерной белорусской чертой (см., напр.: [Карский 1903: 14]), причем для северо-восточной территории Белоруссии характерно скорее сохранение противопоставления этих фонем [Нарысы 1964: 119, карта 7; 127–130]. Это одна из немногих черт, по которой различаются говоры по разные стороны границы: если в «русских» говорах примеры употребления твердого [р] на месте этимологически мягкого крайне редки (Емельянково (Шебанова): пр̆г̆тай̆ўшы̆; кастрўлю̆;

Козлы: *у́вару* (неоднократно); *пиръначу́им*; Косцы: *кастру́ля*)³, то в «белорусском» твердый [p] на месте этимологически мягкого встречается довольно регулярно (*пры́эхъла*; *дираве́нскъя*; *дираве́нский*; *дяре́ўня*/*дярэўня*; *дираве́нскии*; *на мо́рѣ*; *чырѣз раку́* / *зѣ ряко́й*; *прышли́*; *вы́стрѣ-лють*; *у́вару́*; *тры ра́зѣ*; *пѣвару́*; *бальшу́ кастру́лю*; *бяроски*), есть и случаи обратной замены (*ри́бу злаві́ў* (2); *ри́бу жа́рынъю насі́ла*).

6. Морфологически и лексически ограниченные случаи чередования [л]/[ў] в соответствии с фонемой /л/: *да[л]а́* — *да[ў]*, *во[ў]к*.

По общему мнению, это чередование — одна из характерных «белорусских» черт [Карский 1903: 14] и даже «одна из ярких черт современного белорусского языка» [Нарысы 1964: 138]. На территории русских говоров оно повсеместно распространено в западной группе говоров южного наречия — как правило, в старых сочетаниях редуцированного с плавным (*воўк*) и формах глаголов прошедшего времени [см.: ДАРЯ 1, карта 61]. В нашем материале как в «русских», так и в «белорусских» говорах представлено достаточно широко, но не абсолютно регулярно: *при́эхъў* и *при́эхъл*; *з воўны* и *во́лна* (Мочулища).

7. Комплекс употребления губных спирантов «юго-западного типа»: [ў], [у] в конце слова и слога (*дро[ў]*, *ла[ў]ка*), возможность произношения гласного [у] в соответствии с [в] в начале слова (*[у]нук*, *[у]доме*), замена [в] на [ув], [уў] перед гласным, замена [ф] на [х], *[хв]*.

Это характерная черта всех белорусских говоров, в том числе литературного языка [Карский 1903: 14]). Также распространена на всей территории южнорусских говоров [ДАРЯ 1, карты 54, 56, 57]. В нашем материале губные ведут себя так во всех позициях, причем как в «русских» деревнях, так и на территории Белоруссии. В начале слова: *у фінску вайну́*; *у Вялі́кии Лу́ки*; *у ка́ссу*; *у ле́си* и т. д.; *уў о́сінь*; *ўсе́*; *усі́х*; *на уре́мя*; в конце слога и слова: *на дире́ўни*; *дяре́ўня*; *ѣдда́ўшы*; *ат не́мцыў*; *урибо́ў*. Также есть случаи замены [ф] на [хв], [х]: *канхвѣ́т*; *канхвѣ́ты* (Мочулища); в «русских» говорах: *хво́рмы*; *ти́хвѣм балѣ́ль* (Глинчино); *Мърхвѣ́ш-кинѣ*; *ко́хту* (Емельянково (Шебанова)).

8. Наличие протетического [в] перед ударными [о] и [у].

Эта особенность является одной из характерных черт современного белорусского языка, отличающей его от других восточнославянских

³ Довольно большое количество примеров с твердым [p] встретилось в говоре д. Церковище [Рыко 2017: 479], в материалах М. Янковяка по Невельскому району все примеры только с мягким [p'] [Jankowiak 2015: 224].

[Нарысы 1964: 139]. Согласно белорусской грамматике, протетическое [в] появляется перед ударным [о] и перед [у] независимо от ударения; его нет в заимствованных словах, нет в тех случаях, когда [у] – приставка. Если [о] без ударения, то, как правило, нет и [в] (*акно́ – во́кны*), но иногда он может сохраняться: *вачэ́й, акно́ / вакно́* [Беларуская граматыка 1985: 18]. С другой стороны, эта черта является одной из основных изоглосс, формирующих юго-западную зону русских говоров [Захарова, Орлова 2004: 96–102, карта 16, стр. 97; ДАРЯ 1, карта 60], в которую входят обширные территории псковских среднерусских и западных южно-русских говоров. В идиолекте В. П. Глазко протетический [в] встречаем регулярно, как перед [у], так и перед [о]: *на во́тпуск; Ві́тпінскэ́й во́блэ́сьці; ву́лішны́ мост; во́зим* ('озимь'); *ву́тэг бы́ль мно́гу; во́сінь*. В «русских» говорах довольно часто наблюдается протетический [в] перед [у], в то время как случаи употребления его перед [о] редки. При этом есть случаи с [в] перед безударным [а] (чередующимся с ударным [о]), и перед приставочным [у]: *пэд вако́шки; заби́ла ву́жа́* (Емельянково (Сюртукова)); *ву́трэм / ў́ўтрэм* (4); *о́н вушо́л; на ву́лицы* (3); *ву́скі́й; па́д ву́уэл; на ву́дэ́чки; на ву́дэ́чку* (2); *ву́мнэ́я; о́сінэ́ню* (2) / *з во́сіні; на о́кнэ́х / ўо́кны ўо́льш; на о́зіра / кэ́ль ўо́зіра* (Емельянково (Шебанова)); *к о́сени; о́сінь; Во́сипэ́вич* (Дудчино); *вы́пэл з вэ́кна́; кэ́ль вэ́кна́; па́сьсі о́чырыць каро́ў; к о́зіру; ў́трэ́* (Козлы); *о́зіра; на то́і о́зіра; кэ́ль э́тэ́ў о́зіра; ві́днэ́ што ўо́зіра; па о́чыры́дзі / па ўо́чыры́дзі; во́сінэ́ню* (Косцы). В некоторых идиолектах подобных форм не попалося [Рыко 2017: 480], см. также: [Jankowiak 2015: 224].

9. Формы местоимения 3-го лица.

Формы местоимения 3-го лица с начальным [j] характерны как для западного ареала русских говоров [см.: ДАРЯ 2, карты 64, 68], так и для всего массива белорусских, включая литературный язык. В «белорусском» говоре йотированные формы преобладают (кроме форм местоимения множественного числа), в «русском» картина аналогичная, правда, форм без [j] (видимо, под влиянием русской литературной нормы) несколько больше: *ён* (15); *ён* (7); *ина́* (22); *эна́* (3); *яно́; яны́* (6) / *аны́* (15) (Мочулища), ср. Емельянково (Шебанова): *ён* (22); *он* (4); *ён* (8); *ина́* (25); *ана́* (14); *яно́* (4); *ано́* (4); *яны́* (14); *аны́* (25); *ани́* (25).

10. Отсутствие противопоставления губных по мягкости/твердости на конце слова.

Это явление характеризует все белорусские говоры и литературный язык [Нарысы 1964: 109], также широко распространено на территории

русских говоров — в западной, северо-западной и северной диалектных зонах [см.: ДАРЯ 1, карта 70]: *вóзим* ‘озимь’ (Мочулища); *óзим* (Глинчино, Емельянково (Сюртукова)); *сём* (Дудчино, Емельянково (Сюртукова)); *вóсим* (Емельянково (Сюртукова)) и др.

11. Произношение мягких долгих согласных в соответствии с сочетаниями согласных с [j] (*свиння*).

Эта черта свойственна как белорусскому литературному языку [см.: Белорусская граматыка 1985: 20 и след.], так и большей части его говоров [Нарысы 1964: 142–145, карта 8, стр. 143]. Для русского языка она является диалектной, распространена преимущественно в западной части южнорусских говоров [см.: ДАРЯ 1, карта 74]. В идиолекте В. П. Глазко представлена регулярно, с небольшим количеством исключений: *но́ччу*; *снிடáньня*; *пячэ́ньня*; *ѣбья́дэньня*; *кутьтя́*; *кутьтю́* (2); *кутьти́*; *плáтьтя*; *развóдьдя*; *абува́ньня*; но *ѣбьядэ́ньня*; *застóбля*. Похоже, что с [j] произносятся скорее «новые» слова, заимствованные из русского литературного языка, которые не вполне адаптируются. У большинства «русских» информантов произношение долгих мягких менее регулярно, но тем не менее тоже широко представлено: *но́ччу* (многократно); *ѣдвя́ньня*; *пячэ́ньня* (2); *вэ́спалэ́ньня*; *учэ́ньня*; *ууля́ньня* (2); *вэ́скрасэ́ньня* (3); *хлопне́ньня*; *бóсинью*; *плáтьтя* (2); *плéсинью*; *Блэ́гавэ́шыньня*; *вэ́раньне́*; *бяльлэ́* (Емельянково (Шебанова)).

12. Наличие окончания *-и* у существительных мужского рода с основой на мягкий согласный в форме Предл. пад. ед. ч.: *на кон[и́]*, *на кра[и́]*, *на конц[и́]* и т. п.

Это окончание отмечено для ограниченного круга лексем по обе стороны границы: *нэ́ кані́* (Мочулища; Дудчино; Емельянково (Шебанова); Козлы); *нэ́ канцѣ́* (Емельянково (Шебанова)). Эти формы имеют «рассеянное распространение» на территории западной группы южнорусского наречия [Захарова, Орлова 2004: 123], хотя в ДАРЯ для близлежащих пунктов отмечены [ДАРЯ 2, карта 20] и широко распространены в разных белорусских диалектах [Нарысы 1964: 157–160].

13. Формы Род.-Дат.-Предл. пад. ед. ч. существительных I склонения.

Яркой особенностью городокско-невельского диалекта считают синкретизм этих падежных форм, для которого характерно «1) преобладание окончания *-е* у основ на губные и задненебные согласные; 2) преобладание *-и* у основ на мягкие согласные; 3) варьирование окончаний *-ы* и *-е* у основ на парные твердые согласные; 4) у основ на парные

твердые, кроме губных, с ударными окончаниями gen.-dat.-loc. sg. в одних идиолектах (говорах?) наблюдается варьирование *-ы* и *-и*, в других — исключительно окончание *-ы*» [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 140; см. также: Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2017: 47–48] и подробный обзор соотношения этих падежных форм в восточнославянских языках в: [Абраменко, Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013].

Система, представленная в говоре Р. П. Глазко, близка к «стандартной», т. е. к литературным системам русского и белорусского языков:

тип основы	на зубные	на губные	на заднеязычные	на мягкие
gen.	-ы́, -ы	-ы́, -е	-у́ / -é	-у́
dat.-loc.	-é, -е / -ы	-е	–	–

Следы синкретической системы можно увидеть благодаря наличию в Род. п. безударного окончания *-е* у основ на губной (*у ба́би*) и ударного у основ на заднеязычный (*мукé, рякé*), безударного окончания *-ы* в Дат.-Предл. у основ на зубной (*нэ кварта́ры*). Таким образом, можно предположить синкретизм на *-ы* в безударном положении у зубных основ, синкретизм на *-е* в безударном положении у губных основ, синкретизм на *-é* в ударном положении у заднеязычных. Материал: Род. *дэ вайны́* (7); *ха́ты; нет ико́ны; з лазы́* (2); *дэ Масквы́; травы́; у ба́би; му́ки* (3); *мукé; рякé; ма́ль зямлі́*; Дат.-Предл. у *Маскве́* (2); *нэ сва́дэ́би* (2); *г ба́би; ха́ти* (4); *нэ машы́ни* (2); *нэ кварта́ры; нэ вадé; нэ стянé; нэ кварта́ры*.

Системы, представленные в говорах Невельского района, демонстрируют синкретизм более явно. Так, в идиолекте Н. В. Шебановой (Емельянково) для основ на зубные и губные наиболее вероятно реконструируется синкретическая система, связанная с ударностью/безударностью окончания (Род.=Дат.-Предл. без ударения *-и*, под ударением *-ы*), которая испытывает влияние как со стороны литературной системы, противопоставляющей падежи, так и, возможно, со стороны синкретической системы на *-ы* (независимо от ударения).

тип основы	на зубные	на губные	на заднеязычные	на мягкие
gen.	-ы́, -е/-ы	-ы́, -е/-ы	-é	-у́
dat.-loc.	-ы́, -ы/-е	-ы́/-é, -ы/-е	-é	-é/-у́

Материал: Род. *вайны́* (20+); *дзве казы́* (3); *вады́* (7); *сасны́; красы́; ад уразы́; шырыны́; сьве́клы; две ха́ты* (4); *ліпінны; рабо́ты; Ніны́; скатіны́; хадэ́бы; у́главы́; листвы́; крупы́; травы́; каро́вы; ба́бы; с сало́мы; улі́ни* (2); *шко́ли* (4); *сьвяклі́ни; ха́ти* (10); *сьмита́ни; скаті́ни* (2); *машы́ни*;

рабóти; ба́би (6); карóви (3); лі́пи; салóми; ры́би (3); ма́ми; з рукé; сямь́и дьвé; ад зямлі́; Дат.-Местн. жары́; уары́ (5); нъ вайны́; нъ кастры́; вады́ (5); къна́вины; скаті́ны (2); на ку́ры; нъ па́длины 'падаль' (2); у лази́ны; у лі́пины; нъ кварті́ры; у тю́рмы; у травы́ (6); у Масквы́ (2); фэ́рмы (2); карóвы; у тю́рмы; у ха́ти (10); шко́ли; пиремéни; нъ машы́ни (2); нъ Укра́іни; у сряді́ни; нъ акра́іни; у ко́мнати; г ба́би; Масквэ́ (2); рукé; нъ зямлэ́ (2); у зямлі́.

14. Формы Дат. и Тв. пад. мн. ч.

Наличие общей формы для Дат. и Тв. пад. мн. ч. существительных и прилагательных также считается одной из изоглосс, позволяющих говорить об особом городокско-невельском говоре [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 123]. В нашем материале такие формы регулярны у существительных, прилагательных и местоимений как в «белорусском», так и в «русских» говорах. Мочулища: *скъбъря́м заву́ть; уручну́ю мълаті́ли цъпа́м; зъ ётым (2); и се́нь вілкъ́м; цэ́лым дня́м; жылі́ зъ Расо́нъм; нашьбі́ть ніткъ́м / ніткъ́м друу́м; тепе́рь усё машы́нъм дэ́льютъ*. Эта черта является диалектной как для русского, так и для белорусского языков.

15. Окончание *-ым/-им* в Местн. ед. прилагательных м. и ср. р.

В белорусских говорах это окончание характерно для северно-восточных территорий (на юго-западе распространено окончание *-ом/-ем*) и для литературного белорусского [Нарысы 1964: 196–197; Беларуская граматыка 1985: 112–114]. На территории русских говоров это окончание широко распространено, в том числе на западных среднерусских и западных южнорусских территориях [см.: ДАРЯ 2, карта 46]. Наш материал показывает, что окончание *-ым/-им* хорошо сохраняется как у «белорусских», так и у «русских» информантов: *на друу́м мэсьти́; у плахі́м състъя́нии; у катлэ́ бальшы́м; у катилóчку ма́линькі́м; нъ друу́м кла́дбишы́; нъ пусты́м унязьде́ (Мочулища); нъ да́мскім; нъ мушкі́м (Емельянково (Сюртукова)); ф со́ркъ сядьмы́м; нъ адны́м ва́линцы́; у ўтары́м или трэ́тьтیم калéни; нъ стаўбу́ / нъ свывітавы́м (Емельянково (Шебанова)); у со́ркъ сядьмы́м уаду́; у ба́нки ка́кім-тэ́ (Глинчино).*

16. Род.-Вин. пад. личного местоимения 1-го лица.

В белорусском возможны только формы *мяне́* или *мене́* — в зависимости от варианта диссимилятивного яканья [Нарысы 1964: 217; см. также: Беларуская граматыка 1985: 143]. Такие формы считают характерными и для южнорусских говоров [см.: ДАРЯ 2, карта 62]. В идиолекте

Р. П. Глазко только такие формы и присутствуют: *у мянэ; мянэ* (5), в то время как у «русских» информантов иногда появляются формы из литературного русского: *менé* (18); *мянé* (8); *меня́* (2) (Емельянково (Шебанова)); *(у) мянэ* (3); *у менé* (2); *у миня́* (Косцы).

17. Косвенные формы личного местоимения 2-го лица и возвратного. Белорусская литературная норма (как и все говоры) предполагает следующую систему косвенных форм личного местоимения 2-го лица и возвратного: Род.-Вин. *цябé, сябé*, Дат.-Предл. *табé, сабé* [Беларуская граматыка 1985: 143; см. также: Нарысы 1964: 217]. В южнорусских говорах возможны основы *тоб-*, *соб-* или только в Дат.-Предл., или в Дат.-Предл. и Род.-Вин. падежах, причем, согласно ДАРЯ, в Невельском районе в ряде пунктов отмечены основы *тоб-*, *соб-* в Род.-Вин., Дат.-Предл. падежах (п. 50, 51, 53, 54), в ряде пунктов *теб-*, *себ-* в Род.-Вин., *тоб-*, *соб-* в Дат.-Предл. (п. 280, 281, 282, 283, 286) [ДАРЯ 2, карта 61]. Материал, записанный от Р. П. Глазко, не противоречит белорусской системе (Дат. *табé*, Предл. *на сабé*); в материале, записанном от информантов на территории Невельского района, наряду с «белорусскими» попадают формы, соответствующие русским литературным, т. е. с основой *себ-* в Дат.-Предл.: Род.-Вин. *тябé; у тябé; сам сябé; себé; нъ сябé* (4); *для сябé* (4); Дат.-Предл. *табé* (6); *сабé* (6); *к сабé*, но *к сябé* (4), *сябé* (Емельянково (Шебанова)).

18. Окончания местоимений 3-го лица мн. ч.

Единственный возможный вариант окончания местоимений 3-го лица мн. ч. в «белорусском» говоре — *-ы* (в соответствии с белорусской литературной нормой), хотя в основе местоимения 3 мн. часто отсутствует [j] (в отличие от белорусской нормы). В «русских» говорах у некоторых информантов в незначительном количестве присутствуют формы с окончанием *-и*, соответствующие русской литературной норме: *яны́* (6) / *аны́* (15) (Мочулища); ср. *аны́* (22) / *яны́* (18), *аны́* (9) (Емельянково (Сюртукова)); *яны́* (14) / *аны́* (25); *аны́* (25) (Емельянково (Шебанова)); *яны́* / *аны́* (21), *аны́* (6) (Дудчино); *яны́* (21) / *аны́* (13) (Козлы); *яны́* (16); *аны́* (19) (Косцы).

19. Местоимение мн. ч. *все*.

В идиолекте Р. П. Глазко в Им. п. преобладают формы с *-е*, хотя есть случаи и с *-и*, в косвенных падежах возможны только окончания с *-и*: *усé* (5) / *усí* (2); *усíх* (4); *усím* (2). В северных белорусских говорах возможны системы как с чередованием форм *усе/уси* в Им. п., так и системы, где

представлен только вариант *усе*, в то время как юго-западным говорам (как и литературному языку) известны только системы с *-е* в Им. п. и *-и* в косвенных [Нарысы 1964: 230]. Несомненно, мы имеем дело с типичной севернобелорусской системой, однако, если сравнить ее с той картиной, которую мы наблюдаем в «русских» говорах, где формы с *-е* встречаются в Им. п. крайне редко (т. е. представлена система с *-и* как в Им. п., так и в косв.), можно сказать, что система идиолекта Р. П. Глазко ближе к белорусской литературной системе. Ср. Емельянково (Шебанова): *усі́* (23), *ўсе́* (5); *усі́х* (8).

20. Произношение [o] в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *быть*, соответствующее белорусской литературной норме.

В идиолекте Р. П. Глазко такие формы (*ёсь*) абсолютно регулярны (12 употреблений, форм с [e] не отмечено), в «русских» говорах такие формы попадают, но не у всех информантов, и если попадают, то наряду с формами с [e]: Емельянково (Сюртукова): *ёсьть* / *ёсьсь* (5); *ёсь* / *ёсьть* (4); Емельянково (Шебанова): *ёсьть* (7); *ёсь* / *ёсьть* (4); Дудчино: *есь* (2); Глинчино: *ёсь* (1); Козлы *ёсь* / *ёсьть* (2); *ёсь* (3); Косцы: *ёсьть* / *ёсь* (6).

21. Особый тип чередования *e~o* в формах глагола настоящего времени I спр. с ударением на тематическом гласном: *несёш*, *несётъ*, *несём*, *несёте*.

Подобные системы (без перехода [e] > [o] в формах 2 и 3 ед. и 2 мн.) для русского языка являются диалектными и распространены на территории южноповских и смоленских говоров, расположенных вдоль белорусской границы [см.: ДАРЯ 2, карта 82], так же устроена и белорусская литературная парадигма. Таким образом, представленная система — по обе стороны границы — является «белорусской», причем (учитывая наличие *-ть* в форме 3 ед.) — в ее северо-восточном варианте [Нарысы 1964: 260–264]: 2 ед. *набьёш*; *идёш*; *спякёш*; 3 ед. *пръвядётъ*; *спякёцца*; *завёццъ*; *прідёццъ*; *пънясётъ*; *расьтётъ*; *арётъ*; 1 мн. *завём*; *жывём*. Ср. в «русских» говорах: та же система, но с небольшим количеством форм с переходом [e] > [o], видимо, под влиянием русского литературного языка: 2 ед.: *пъдвядёш*; *ѣбдярёш*; *идёш* (3); *пайдёш*; *найдёш*; *прядёш*; *спякёш*; *пярэбьёш* (но *пасёш*); 3 ед.: *ведётъ* (2); *бярётъ* (2); *идётъ*; *пайдётъ* (4); *прідётъ* (2); *дъвядётъ*; *нарвётъ*; *сталкётъ*; *пасёт*; *бьётъ*; *бьёццъ*; *привязётъ*; *ѣддаётъ*; *жывётъ* (2); *памнётъ*; *ръзамнётъ*; *пъталкётъ*; *прядётъ* (4); *зуніётъ*; *ирвёццъ*; *парвёццъ*; *пупадётъ*; *кукнётъ*; *дярётъ*; *унясётъ* (но: *крадётъ*; *пасёт*); 1 мн.: *пайдём*; *идём*; *здаём*; *пасём* (4) / *пáсим* (Емельянково, Шебанова).

22. Совпадение безударных окончаний 3-го лица множественного числа глаголов I и II спряжения (*пиш[у]т, делай[у]т, дыш[у]т, нос[ю]т*).

Так называемое «общее» спряжение встречается в нашем материале регулярно без исключений: *удра́жняют; вы́стрѣляют; атчэ́плюца; во́дють; хо́дють; учы́няют; ва́руць; харо́нють; пасы́пють; па́люць* (Мочулица). Та же картина и в говорах на территории Невельского района. Эта черта не характерна ни для русского, ни для белорусского литературного языков, в русских говорах она представлена в широком ареале южнорусских и среднерусских говоров [см.: ДАРЯ 2, карта 84], в белорусских — свойственна северо-восточным говорам, причем изоглосса примерно совпадает с границей диссимилиативного и недиссимилиативного яканья [Нарысы 1964: 268–269].

23. Употребление деепричастия в функции сказуемого.

Это явление характерно как для севернобелорусских [Ibid.: 298–301; карта 29, стр. 318], так и для широкого массива западных русских говоров [Трубинский 1984: 19–21]. Как в идиолекте Р. П. Глазко, так и в «русских» говорах деепричастие используется широко, в разных функциях — основного предиката с перфектным значением, дополнительного действия, с атрибутивным значением. Ни по частоте встречаемости в речи, ни по основным функциям использование деепричастия в «русских» и «белорусском» говоре не различается. Материал (Мочулица): *а н́аз была́ ъдда́ўшы к сваёй ма́тки / г ба́би; я ни дэ́рабо́тѣўшы да́жы была́ ўо́т; у Ленину́ра́т была́ зйе́хѣўшы; я спирва́ была́ таг зьбра́ўшы у ўѓлаву / што́ ничо́ўѣ ни пайму́; бы́ли пэ́прие́хѣўшы изь Неў́ля / срóцтвини́ки / ѣтаўсю́ль бы́ли пэ́прые́хѣўшы; кра́йний бы́ў зу́ареўшы; а ин́а вяжы́ць / уся́чынѣ / и нэ́ сабе́ и ю́нку была́ визи́ўшы; цяпе́рь ѣн зйе́хѣўшы у Маскву́; уна́ли / убива́ли / иду́ць ня мо́жуть ня ёўшы; пэ́ттушы́ўшы у кэ́тяло́чку ма́линьким / я яму́ дэ́валь чэ́риз зу́аро́ду; ин́а мо́жѣ зы́шшани́ўшы сиди́ць / дамо́й ѣна́ ня пу́стьить; мы́ утё́кшы у ле́си / пры́дим / то́льки ха́ты пэ́рѣскрыва́ны; да́ / зу́аро́дѣ / зѣу́ради́ўшы ад́ин ѣт адно́ўа; разво́дѣя / сьне́у мно́ўѣ нэ́па́ўшы.*

24. Употребление белорусского союза *як*.

Яркой чертой, отличающей говор Мочулиц от говоров на территории Невельского района, можно считать употребление белорусского союза *як* в соответствии с русским как: *як вѣйна́ нѣчѣла́ся; як аны́ ѣкѣза́лися; и вѣйна́ по́мню яѓ была́; як я гѣвару́; што́ дѣлѣть я́к* и т. д. У «русских» информантов союз *як* регулярно встречается только у В. Н. Щербаковой (Козлы): *я́к пэ́шла / ничо́ўа ни да́ли; а му́ш мо́й бали́ў / на фрóнти я́к бы́ў; а ин́а шмы́к и пэ́шла / я́к ко́нчу даи́ть* и др.

Таким образом, составляя единый городокско-невельский диалект, говоры по обе стороны российско-белорусской границы обнаруживают изрядное количество общих черт. Поскольку одна часть этих говорков должна испытывать влияние со стороны русского литературного языка, а другая — со стороны белорусского литературного языка, ожидалось, что ряд диалектных черт будут по-разному нивелироваться. Более того, перспектива различного изменения диалектных черт в зависимости от того, к какому литературному языку относится данный диалект, послужила одним из аргументов для проведения лингвистической границы между русским и белорусским языками в основном в соответствии с административной (а теперь — государственной) границей (см. выше ссылку на: [Захарова, Орлова 2004: 34]). Какова же реальная картина, наблюдающаяся в говорах спустя почти столетие после проведения этой границы? Действительно ли диалектные черты нивелируются под давлением соответствующих литературных языков? Какие черты сохраняются в обоих идиомах, какие изменяются?

Во-первых, есть ряд черт, характерных для городокско-невельского диалекта, которые сохраняются (в той или иной степени) по обе стороны государственной границы, будучи при этом диалектными как по отношению к русскому, так и по отношению к белорусскому литературному языкам. Это такие черты, как диссимилиативное яканье белорусского типа, рефлексы напряженных редуцированных в формах Им.-Вин. ед. прилагательных м. р., лабиализация гласных по 2-м предударном слоге, цоканье, наличие флексии *-и* в форме Предл. ед. существительных м. р., совпадение флексии Тв. мн. с Дат. мн. у существительных и прилагательных, наличие «общего» спряжения, широкое распространение деепричастия на *-ши* и употребление его в функции сказуемого.

Во-вторых, в говорах по обе стороны границы хорошо сохраняются черты, являющиеся диалектными по отношению к русскому языку и соответствующие белорусской литературной норме. Это рефлексы сочетаний **<uj>*, **<ij>* в основах глаголов на *-j*, морфологически и лексически ограниченные случаи чередования [л]/[л̥] в соответствии с фонемой /л̥/; комплекс употребления губных спирантов «юго-западного типа» ([ɥ], [y] в конце слова и слога, возможность произношения гласного [y] в соответствии с [ɐ] в начале слова, замена [ɸ] на [x], [xɐ]); произношение твердых губных в соответствии с мягкими на конце слова; произношение мягких долгих согласных в соответствии с сочетаниям согласных с [j]; распространение окончания *-ым/-им* в форме Предл. ед. прилагательных м. и ср. рода.

Наконец, есть ряд черт, противопоставляющих говоры по разные стороны русско-белорусской границы. Большая часть из них являются диалектными для русского языка и литературными для белорусского. Наиболее яркие и заметные из них — это сглаживание противопостав-

ления [p] и [p'] в белорусском говоре, сохранение протетического [e] перед [y] и [o] (в русских говорах регулярно наблюдается перед [y], а перед [o] встречается довольно редко); регулярное произношение [o] в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *быть* (в русских говорах — единичные случаи) и регулярное употребление союза *як* (на территории Невельского района характерно для идиолекта только одной информантки).

Кроме того, в тех случаях, когда черта является диалектной для русского языка и соответствующей литературной норме для белорусского, в русских говорах можно наблюдать некоторое нивелирование диалектной черты в пользу русской литературной нормы. Как правило, употребление литературных форм вместо диалектных наблюдается в подсистеме местоимений: встречается *миня́* вместо *мяне́* (форма Им.-Вин. личного местоимения 1-го лица), *сябе́* вместо *сабе́* (форма Дат.-Предл. возвратного местоимения), *ані́* вместо *яны́/аны́* (окончание Им.ед. местоимения 3-го лица мн. ч.), более редкое по сравнению с белорусским говором наличие [j] в основе местоимения 3-го лица мн. ч.). Некоторое влияние со стороны русского литературного языка можно наблюдать и в парадигме настоящего времени глагола — изредка встречаются формы 2-го и 3-го лица ед. ч. с переходом [e] в [o].

С другой стороны, есть некоторые позиции, в которых черты, являющиеся диалектными для обоих языков, хорошо сохраняются в русских говорах и выравниваются в белорусских в соответствии с белорусской литературной нормой. Так, в русских говорах лучше сохраняются синкретические системы Род.-Дат.-Предл. *a*-склонения существительных и подпарадигма множественного числа местоимения *весь* (*вси — всих*) при том, что в белорусском говоре эта подпарадигма изменяется в сторону белорусской литературной нормы (*все — всих*).

Таким образом, можно заключить, что некоторая нивелировка диалектных черт под влиянием русского и белорусского литературных языков в говорах по разные стороны государственной границы наблюдается, но происходит это лишь на некоторых участках системы и не всегда ярко выражено, что позволяет по-прежнему говорить о существовании единого городокско-невельского диалекта, независимо от того, к какому языку относится данный конкретный говор.

Библиография

Абраменко, Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013

Абраменко О. А., Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н., «Системы соотношения gen. и dat.-loc. *a*-основ в восточнославянских языках», in: *Исследования по славянской диалектологии*, 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления, Калнынь Л. Э. отв. ред., Москва, 2013, 63–165.

Беларуская граматыка 1985

Бірыла М. В., Шуба П. П., ред., *Беларуская граматыка*, 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэння. Націск, Мінск, 1985.

Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В., «Говоры беларуско-русского пограничья», in: *Исследования по славянской диалектологии*, 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем), Калнынь Л. Э., отв. ред., Москва, 2008, 120–179.

——— 2017

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В., «Изогlossen псковско-витебского пограничья», in: *Псковские говоры и их исследователи: К 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»*, 1, Большакова Н. В., Костючук Л. Я., ред., Псков, 2017, 40–57.

ДАРЯ, 1

Аванесов Р. И., Бромлей С. В., ред., *Диалектологический атлас русского языка, Центр Европейской части России*, 1: Фонетика, Москва, 1986.

ДАРЯ, 2

Бромлей С. В., ред., *Диалектологический атлас русского языка, Центр Европейской части России*, 2: Морфология, Москва, 1989.

Дурново, Соколов, Ушаков 1915

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н., *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии*, Москва, 1915.

Захарова, Орлова 2004

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., *Диалектное членение русского языка*, Москва, 2004.

Зорин 1927

Зорин Н. И., «Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда в связи с диалектическими особенностями местного говора, с данными истории местного края и экономическими центрами его тяготения», in: *Познай свой край. Сб. Псковского общества краеведения*, 3, Псков, 1927, 33–63.

Карский 1903

Карский Е. Ф., *Белоруссы*, 1: Введение в изучение языка и народной словесности, Варшава, 1903.

Лінгвістычная геаграфія 1969

Аванесав Р. І., Атраховіч (Крапіва) К. К., Мацкевіч Ю. Ф., ред., *Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак*, Мінск, 1969.

Нарысы 1964

Аванесав Р. І., ред., *Нарысы па беларускай дыялекталогіі*, Мінск, 1964.

Николаев 1988

Николаев С. Л., «Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи», in: *Балто-славянские исследования 1986*, Иванов Вяч. Вс., отв. ред., Москва, 1988, 115–154.

Первая всеобщая перепись населения 1897

Тройницкий Н. А., ред., *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*, 5: Витебская губерния, 2, 1901.

Рыко 2016

Рыко А. И., «О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья (Невельский район Псковской области)», in: *Севернорусские говоры*, 15, Герд А. С., Пурицкая Е. В., отв. ред., С.-Петербург, 2016, 71–88.

——— 2017

Рыко А. И., «Пограничные говоры Невельского района Псковской области: разнообразие и степень сохранности», in: *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2017*, С.-Петербург, 2017, 453–497.

Трубинский 1984

Трубинский В. И., *Очерки русского диалектного синтаксиса*, Ленинград, 1984.

Jankowiak 2015

Jankowiak M., “Współczesne gwary białoruskie na południowej Pskowszczyźnie. Rejon newelski”, in: *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*, 2 (84), 2015, 213–230.

References

- Abramenko O. A., Nikolaev S. L., Ter-Avanesova A. V., Tolstaya M. N., “Sistemy sootnosheniia gen. i dat.-loc. *a*-osnov v vostochnoslavianskikh iazykakh”, in: *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 16: Grammatika slavianskikh dialektov. Mekhanizmy evoliutsii. Utraty i innovatsii. Istoriko-tipologicheskie iavleniia, Kalnyn L. E., ed., Moscow, 2013, 63–165.
- Avanesav R. I., ed., *Narysy pa belaruskai dvialektalohii*, Minsk, 1964.
- Avanesav R. I., Atrakhovich (Krapiva) K. K., Matskevich Yu. F., eds., *Linhvistychnaia heahrafiia i hrupowka belaruskikh havorak*, Minsk, 1969.
- Avanesov R. I., Bromley S. V., eds., *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka, Tsentri Evropeiskoi chasti Rossii*, 1: Fonetika, Moscow, 1986.
- Biryła M. V., Shuba P. P., eds., *Belaruskaia hramatyka*, 1: Fanalohiia. Arfaepiia. Marfalohiia. Slova-utwarennia. Natsisk, Minsk, 1985.
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V., “Govory belarussko-russkogo pogranich'ia”, in: *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 13: Slavianskie dialekty v situatsii iazykovogo kontakta (v proshlom i nastoiashchem), Kalnyn L. E., ed., Moscow, 2008, 120–179.
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V., “Izoglossy pskovsko-vitebskogo pogranich'ia”, in: *Pskovskie govory i ikh issledovateli: K 100-letiiu so dnia rozhdeniia S. M. Gluskinoi i 50-letiiu vykhoda 1 vypuska “Pskovskogo oblastnogo slovaria s istoricheskimi dannymi”*, 1, Bol'shakova N. V., Kostiuchuk L. Ya., eds., Pskov, 2017, 40–57.
- Jankowiak M., “Współczesne gwary białoruskie na południowej Pskowszczyźnie. Rejon newelski”, in: *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*, 2 (84), 2015, 213–230.
- Nikolaev S. L., “Sledy osobennosti vostochnoslavianskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikorusskikh govorakh. 1. Krivichi”, in: *Balto-slavianskie issledovaniia 1986*, Ivanov Vyach. Vs., ed., Moscow, 1988, 115–154.
- Ryko A. I., “O lingvisticheskoi samoidentifikatsii zhitelei russko-belarusskogo pogranich'ia (Nevel'skii raion Pskovskoi oblasti)”, in: *Severnorusskie govory*, 15, Gerd A. S., Puritskaia E. V., eds., St. Petersburg, 2016, 71–88.
- Ryko A. I., “Pogranichnye govory Nevel'skogo raiona Pskovskoi oblasti: raznootbrazie i stepen' sohrannosti”, in: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniia 2017*, St. Petersburg, 2017, 453–497.
- Trubinskij V. I., *Ocherki russkogo dialektного синтаксиса*, Leningrad, 1984.
- Zakharova K. F., Orlova V. G., *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka*, Moscow, 2004.
- Zorin N. I., “Vopros ob etnograficheskom sostave naseleniia Nevel'skogo uезда v sviazi s dialekticheskimi osobennostiami mestnogo govora, s dannymi istorii mestnogo kraia i ekonomicheskimi tsentrami ego tiagoteniia”, in: *Poznai svoi kraj. Sb. Pskovskogo obshchestva kraevedeniia*, 3, Pskov, 1927, 33–63.

Анастасия Игоревна Рыко, канд. филол. наук
 Санкт-Петербургский государственный университет,
 филологический факультет, доцент кафедры русского языка
 19034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
 Россия
 aruko@mail.ru

Received March 19, 2018